

Пролог

Сколько себя помню, мне всегда снился один и тот же сон — странный, завораживающий и кровавый. Хоть крови не было и в помине, но я отчетливо ощущал ее вокруг. Словно что-то погибало, пока под ногами на снегу расцветали сотни белых роз, которые, стремительно раскрываясь, радовали взгляд молочными лепестками. Вскоре из сердцевины выбирались мотыльки со сложенными крыльями — тоже белые, с махровыми усиками. Их было столь много, что, взлетая, они будто стирали весь мир вокруг. В этот момент ощущение чьей-то смерти ложилось на плечи, проникало внутрь и сжимало сердце ледяной рукой, а когда оно становилось невыносимым — я просыпался.

Поначалу эти сновидения пугали меня — ребенком я дрожал и плакал, закутываясь плотнее в одеяло. Из-за этих кошмаров не спала и бабушка: просыпалась от моих криков, приносила с кухни теплое молоко с медом. Я успокаивался и засыпал вновь, но ни разу не рассказывал о своем сне. Ни об одном.

Полагаю, я боялся слухов, которые в то время и так ходили обо мне. О проклятом ребенке. Ведь все, что

идет вразрез с привычной размеренной жизнью людей, наверняка может принести одни лишь беды... А я давно был отмечен холодом и морозом.

Снегопад в день гибели моей матери шел невиданный — так говорили люди, ведь то время в моей памяти не сохранилось. Еще с утра ясное небо — редкость для осени в тех краях и по сей день — радовало яркими лучами солнца. В свете дня выпавший накануне снег успел слегка подтаять и засверкал, словно кто-то рассыпал по нему горсти бриллиантов.

Пейзаж за городом, за исключением высоких сосен и елок, состоял исключительно из белых оттенков с редкой синевой отражавшегося в снежных просторах неба и теней деревьев, словно кто-то облил мир цинковыми белилами. Вершины гор же на горизонте виделись как никогда ясно, не укрытые островками облаков. От этого казалось, что до них рукой подать — не больше часа пути верхом.

В те годы, на исходе девятнадцатого века, зимой наш край словно засыпал — снег заносил дороги так, что из некоторых поселений, затерявшихся среди гор, нельзя было выбраться все зимние месяцы.

Помню, когда я был уже в более сознательном возрасте, мой учитель, исполнявший эту роль всего пару лет и прибывший в город, наслушавшись о красотах природы, сказал:

— Белое золото возвышает вас, но белая смерть так и норовит убить. Может, когда-нибудь *у нее* это выйдет? — Он не уточнил, о чем или о ком именно говорил в тот момент, а я не стал спрашивать.

Учителя чрезвычайно забавлял тот факт, что наш город жил бок о бок со смертью.

Белым золотом в Хальштатте называли соль, которую добывали в недрах горы, — практически все жители зарабатывали на жизнь этим ремеслом, спускаясь

каждый день в шахты по глубоким желобам. А белой смертью прозвали снег на верхушках гор и особо снежные зимы, случавшиеся примерно раз в десять лет, заносящие дороги и едва не погребаяющие весь городок под белым покровом.

Застань одна из тех яростных метелей тебя в Малервеге — лесу, раскинувшемся по правую сторону от склона горы, — и ты не жилец. Но не только снег носил столь мрачное название. Еще Белой смертью звали ее. На самом деле ее много как называли и до сих пор кличут.

Тихо, шепотом рассказывают друг другу украдкой о Деве, которую раз в несколько лет кто-то из местных да заметит — то парящей на фоне закатного золотого неба, то гуляющей у кромки леса, то ночью, обласканная лунным светом, она пронесилась над озером, то ее силуэт был различим во вновь обрушившемся на город снегопаде.

Хотя со временем она стала осторожнее. Время потребовало — не прятаться, а выйти на свет. Время многое изменило.

Но моя история началась много лет назад, поздней осенью, когда снег уже укутал землю, но еще не перекрыл пути, молодая женщина, наняв дилижанс, ехала из близлежащего Линца в Хальштатт — городок, зажатый между горой и озером и оттого вынужденный ютиться на коротком пологом склоне. Путница возвращалась в дом матери, которая осталась одна в тот год, потеряв мужа. Он умер не от старости, хотя уже давно был немолод, — погиб в шахте. Его лишил жизни камень соли, отвалившийся от свода и упавший точно ему на голову. Череп проломился, и, словно из-под кисти невидимого художника, на соли расцвели алые цветы.

Так совпало, что и молодая женщина в тот год лишилась мужа. Он умер от лихорадки, сгорев за счита-

ные дни, оставив ее одну с годовалым сыном. Кареглазый, с черными, словно антрацитовый уголь, волосами, я был как две капли воды похож на отца — актера, мечтавшего стать известным. Возможно, он бы добился своей цели — как раз перед тем, как отца одолела лихорадка, ему дали ведущую роль в пьесе. Так, по крайней мере, рассказывала мне бабушка, пока была жива.

В тот день, когда моя мать отправилась в дорогу, ее застал сильнейший снегопад. Дилижанс уехал настолько далеко от Линца, что возвращаться уже не имело смысла, оставалось только двигаться вперед. Более уместный для середины зимы, чем для поздней осени, холод пришел следом — жестокий и голодный. В итоге утоливший свою жажду крови и отыскавший жертву.

Моя мать замерзла насмерть в ту ночь, как и кучер, ведший дилижанс. Ее нашли в снегу, точно она решила преодолеть весь путь пешком, когда поняла, что колеса повозки прочно застряли в глубоких снегах. Но далеко уйти она не сумела — упав, прижимая к себе годовалого ребенка, осталась недвижима навсегда.

А метель прекратилась столь же внезапно, как и началась, уже к середине ночи небо вновь стало ясным, так что его усыпали мириады сверкающих огней, и даже Млечный Путь был виден невооруженным глазом, словно разлитое в воде молоко.

Именно ушедшая метель позволила группе людей из Хальштатта отправиться на поиски. Мать ждала дочь, которая так и не преодолела внезапно обрушившуюся стихию. Думаю, она надеялась, что вмешалась сама судьба и моя мать никуда не поехала, оставшись в Линце.

Судьба действительно вмешалась. Правда, по своему. Из людей, отправившихся в путь на том дилижансе, не выжил никто. Поисковый отряд из Хальштатта нашел лишь мальчика, укутанного в меховую накидку,

которого прижимала к себе заледеневшая женщина — ее волосы и кожу, словно меловая пыль, покрывал иней.

Когда они подошли ближе, ребенок в ее руках, укрытый тонким слоем снега, открыл глаза, и его взор лишил мужчин дара речи — яркая ультрамариновая радужка, словно лепестки пролеска, светлела к краю. Она выглядела неестественно и точно светилась изнутри.

Но самым поразительным стало дыхание ребенка — в теле осталась жизнь.

Мое появление в родном городе матери сразу же окутали истории — нелестные, полные мистики, они твердили, что сама Дева Льда вдохнула в меня жизнь. И что меня спасла зима. Но зима — это смерть. И значит, одарив жизнью, она отнимет еще больше.

С тех пор людские страхи и опасения преследовали меня всегда. Но нашлись те, кто шел против предубеждений, став мне близкими. Их лица я храню в памяти и поныне.

Но даже от них я скрывал свои сны. Неизведанное пугает и отталкивает, а я не желал вновь стать *чужим*. Но вскоре так забылся, что запутался, взрослея, и все больше терял себя.

Только от себя не убежишь. И судьба неминуемо возьмет свое.

Знайте, я никогда не желал быть *иным*, но стал им без согласия.

Прежде чем войти куда-то, убедись, что ты знаешь, где выход...

Дневник Кая

Лето переливалось буйными красками, сладкие цветочные ароматы гуляли по городу. Солнце светило столь ярко, что казалось, в мире не осталось места для тени. Тепло согревало лицо юноши, который сидел у самого окна с распахнутыми ставнями. В руках он держал несколько листов бумаги — дорогой, привезенной соседом с ярмарки.

Благоухание роз проникало в комнату — нежный запах царил повсюду.

В длинных изящных пальцах юноши был зажат кусочек угля, с помощью которого он ловкими движениями вырисовывал девичий силуэт. Рядом лежало еще несколько готовых портретов улыбающейся девушки со сверкающими глазами и веснушками на лице. Черные штрихи передавали настроение не хуже цветных мазков краски — любая линия, ничто сама по себе, вместе с остальными становилась искусством. На каждом ри-

сунке было передано разное выражение лица, но объединяло все изображения одно — нетерпение, сквозившее в чертах Герды.

Ей никогда не хватало терпения для позирования, и ее не прельщали картины маслом. Кай знал, все дело в оттенках — она желала, чтобы они были ярче. Но Герда любила работы углем и собирала их, развешивая на стенах в своей комнате дома напротив.

— Кай! — Оклик прервал его размышления, юноша от неожиданности вздрогнул. Герда словно знала, что он думал именно о ней.

Отойдя от стола, стараясь ничего не задеть испачканными пальцами, он выглянул из окна. И заметил ее сразу — по облаку рыжих кудрей, на которые, словно королевский венец, возложили веночек из одуванчиков. Летом ее лицо особенно сильно усыпали веснушки, которых она стеснялась, но поделаться с ними ничего не могла. Каждый раз, когда приходило тепло, Герда надевала шляпу с широкими полями, прикрывая кожу, но вскоре забывала о ней, и к середине июля веснушки, как вражеские захватчики, усыпали щеки и скулы.

— Идем? — позвала она, задрвав голову. — Ребята уже ждут нас на озере.

Кай оглянулся, бросив взгляд на законченный портрет и несколько все еще чистых листов, лежащих рядом.

— Хорошо, сейчас спущусь, — бросил он, пропадая из окна и нечаянно задев куст розы, что рос снаружи в огромной кадке, прикрепленной к стене. Раздался треск, и неокрепшая ветка с красным, почти раскрывшимся бутонем надломилась.

Каждый год Герда сажала алые розы в этот деревянный ящик вот уже на протяжении семи лет. К концу лета мелкие бутоны расцветали за окном Кая.

Розы в Хальштатте любили все. Яркие-красные, с мясистыми бутонами и длинными колючками на стеблях,

они росли по обочинам улиц — иных сортов роз жители не разводили и не признавали.

Кай замер, глядя на надломанный стебель. Очнувшись же, принялся тихо ругаться, помня, что Герда давно заприметила именно этот бутон, — он был самым крупным, и, по ее словам, его лепестки имели особенно яркий рубиновый оттенок.

— Может, мне подняться? — раздался нетерпеливый голос.

— Не надо! Подожди минутку! — отозвался Кай, неотрывно смотря на каплю крови, набухавшую на пальце.

Вид собственной крови заставил его на мгновение застыть. После он тяжело сглотнул и выхватил платок из кармана брюк. Намочив его водой из кувшина, отмыл пальцы от угля, избавляясь от алой влаги и словно стирая следы своего преступления. Закончив, остановился у зеркала, застигнутый недавней мыслью.

Дорогое зеркало-псише — высокое, во весь рост — принадлежало еще его матери. Его привезли из Линца на ее шестнадцатилетие.

Кай сделал шаг, и отражение шагнуло ему навстречу. Ему всегда говорили, что у него необычные глаза. И это было отнюдь не комплиментом. Скорее, говоривший был полон настороженности, разглядывал его, как дикувинку, стараясь отыскать, за что еще зацепиться и на что указать. Так ничего и не найдя, чужой взгляд ненадолго потухал. До следующей встречи.

Временами Кай слышал, о чем шептались соседки. Он красив, слишком красив для юноши. Прекраснее их дочерей, разве может мужчина быть таким? Не иначе влияние *иной* силы!

Он научился не замечать их голосов, что стали громче после смерти бабушки пару лет назад, и немного утихли, когда ему дали работу в церкви — создать фреску на одной из стен.

Кроме красоты их пугали события, при которых погибла мать Кая. Они и его самого наводили на смутные мысли. Ни один годовалый ребенок не выжил бы в ночной зимний мороз. И сколько бы теорий Кай ни строил, ответов так и не находил. На холоде он мерз, как и все, а в возрасте девяти лет намеренно убежал в лес и едва не погиб в снегах. Ему повезло, он выжил, а после наткнулся на охотников из их городка. Вскоре у Кая осталась лишь одна зацепка — та, о ком шептались лишь за плотно запертыми дверьми. Та, которая могла погубить весь их город в угоду своей жестокости и гордости, а пока лишь годами посылала им испытания. Еще в детстве Кай услышал от Петтера, мальчишки на пару лет старше, изводившего его, сколько он себя помнил: метель и мороз той ночи насланы Девой Льда. Лишь ей это под силу, и лишь она способна кого-то спасти в столь лютый холод.

Дева Льда, Ледяница, Королева Льдов, Снежная Ведьма...

Лишь малая часть ее имен.

— Кай! Неужели уснул? — Новый окрик вырвал его из мыслей. Он моргнул, неожиданно понимая, что приблизился вплотную к зеркальной поверхности, словно Нарцисс, разглядывающий свое отражение.

Поборов оцепенение, Кай поторопился наружу, заперев дверь в свои комнаты. Он жил на третьем этаже, хотя когда-то все здание принадлежало его семье, но содержать целый дом тяжело. Да и в городке всегда были проблемы с землей — Хальштатт ютился на узкой полосе между горой и озером, отчего разрастаться было просто некуда, поэтому уже несколько лет на первом этаже жила другая семья. Кай почти с ними не виделся, используя второй вход с задней части дома.

Выйдя на улицу и завернув за угол, Кай сразу же увидел Герду. Она сняла с головы венки и стояла те-

перь, прислонившись спиной к стене и общипывая на нем цветы. Корзина, укрытая белой тканевой салфеткой, стояла на земле.

— Ты о-очень долго, — протянула Герда, отрываясь от стены и наклоняясь за корзиной. — Идем. Сегодня так жарко! — возвела она взгляд к бескрайнему синему небу. — Не будь меня, ты бы и вовсе, наверное, не выходил из дома.

— Возможно, — согласился Кай, вскидывая взгляд к своему окну. Розы в горшке покачивались, тревожимые ветром.

Герда отчего-то рассмеялась перезвоном хрустальных колокольчиков, привлекая его внимание. Он улыбнулся в ответ и забрал из ее рук корзину.

Герда была его семьей, практически сестрой, и он любил ее как родную. И из-за этих чувств разделял ее желания и устремления. По крайней мере, раньше всегда было так.

От скрытого за домами озера доносились крики птиц. Розы, высаженные по краям дороги, сладко благоухали. Словно рубиновой лентой, они украшали их путь.

Герда по-хозяйски взяла Кая за руку, и он ощутил тепло ее тонких пальцев. Многие могли истолковать их отношения превратно. Особенно теперь, когда им обоим почти минул семнадцатый год.

Они направились к укромной заводи, туда, где берег не был скалистым и изгибался, а тень ив скрывала от чужих взглядов.

С наступлением холодов водная гладь покрывалась ровным блестящим льдом, ослепительным и прозрачным, пока его не припорошит первый снег. Именно на этом озере Кай и Герда в детстве долгими зимами катались на коньках. Ныне это происходило реже. Взросление уничтожает свободное время и наполняет жизнь заботами, а для Кая оно превратилось в поиски заработка,

чтобы избежать спуска в соляную шахту. Временами Кай подрабатывал в семье Герды — таскал тяжести на кухне и исполнял любую порученную работу, пока господин Хакон, как и большинство других мужчин, добывал соль. Остальное время он тратил на свои картины, посвящал им каждую свободную минуту, в мыслях лелея желание уехать, но что-то удерживало его на месте, словно на ноги надели кандалы.

И это отнюдь не был страх перед неизвестностью.

Пока достойно существовать в Хальштатте ему помогала работа над фреской и семейные портреты, которые в последнее время заказывали местные жители. Правда, денег приносило это мало, едва окупались краски. Лишь семья Хэстеинов могла достойно оплатить его труд — они владели большей частью шахты, их поместье, со стороны выглядящее точно средневековый замок с картин, высилось на другом берегу озера. Ныне фреска, которая должна была украшать церковь, была наполовину завершена. Таланта и усердия Кая оказалось достаточно, чтобы его наняли для выполнения столь важной работы. И именно эта работа позволяла ему не бедствовать и держаться дальше от шахт. Каю казалось, уступи он хоть однажды, покорись судьбе и пойди по легкому пути, и больше никогда не напишет ни одной картины. Глупое убеждение, но теперь он держался за него твердо, несмотря на порицания окружающих: взрослый парень, а занимается ерундой, мешки с мукой таскает да красит что-то.

Герда же помогала с выпечкой в доме своей матери. И, кажется, мечтала сбежать. Они разговаривали об этом раньше, когда были младше. Но теперь перестали. Герда сама стала избегать этих разговоров.

Озеро встретило их сверкающей гладью и кваканьем лягушек на поросшем камышом берегу, на котором расположилась остальная часть их компании.

Трин сидела у самого берега, опустив белые ступни в прохладную воду. словно озерная гладь в ветреные дни, ее темные волосы волнами спускались до самой талии, укрывая спину. Полненькая и низенькая, но с широкой улыбкой, в которую складывались ее пухлые губы. Ее брат Йон, напротив, отличался высоким ростом. Он напоминал отца, с его щербатой улыбкой и такими же мозолистыми руками, натруженными в их семейной мастерской.

Обычно их всех отпускали к озеру в обеденное время. Лишь Кай был сам себе хозяин.

Герда помахала им, припустив вперед и оставив Кая с котомкой еды позади.

— Почему вы так долго? — спросил у нее Йон.

— Кай вновь увлекся и забыл про время, — бросила Герда, дожидаясь, пока он догонит ее. А после сдернула салфетку с корзины и стала раскладывать содержимое на поваленном стволе дерева, чья крона опускалась прямо в озеро, словно утонув в зеркально-чистой воде. И лишь часть листвы упрямо тянулась к небу, свету и жизни.

Вскоре они устроились, попивая ягодный морс и смотря, как кусочки облаков скользят над головой. Временами в озере плескала рыба. Но несмотря на царившую жару, лето подходило к концу. Близилась осень.

— Мама купила чудную красную ткань для нового платья, — похвасталась Трин Герде.

Йон закатил глаза, видимо, уже раз в десятый слыша о покупке.

— Вот такого оттенка, — ткнула Трин пальцем в тонкую материю, что удерживала часть волос Кая на затылке, чтобы те не лезли в лицо.

Герда проследила взглядом, и ее губы медленно растянулись в улыбке.

— Кажется, у нас будут платья одного цвета, — проговорила она, не расстроившись по поводу случивше-

гося. Герда любила алый, и все, кто был знаком с ней, знали это. Но материя столь яркого оттенка всегда была дорогой.

Трин новость скорее расстроила. Не следя за нитью разговора, Кай поднял ладонь и дернул за край ленты, распуская узел и позволяя черным прямым волосам упасть на скулы.

Он сжал ленту в руке, рассматривая так, словно впервые увидел, и потирая гладкую ткань пальцами.

«Все люди любят розы, Кай. Разве они не прекрасны? Алее цвета не найти. Даже кровь не краснее этих лепестков, верно?» — говорила Герда. Она часто повторяла это, словно молитву во время службы, и не замечала за собой этой черты. Ее слова и сейчас возникли в его голове.

От Йона не укрылось это движение, но он, вновь глотнув морса, туманным взором уставился на водную гладь и на белых лебедей вдалеке, которые грациозно выгибали шеи, парами скользя у противоположного берега.

— Если я умру раньше, пообещай, что именно ты украсишь мой череп, — вдруг проговорил Йон, засмотревшись на часовню. Трин возмущенно обернулась, кидая на брата недовольный взгляд.

— Можно за обедом обсудить более приятную тему? — заметила Герда.

— Сомневаюсь, что я проживу дольше. Но попрошу о том же тебя, — невозмутимо откликнулся Кай. На самом деле от друга уже не раз звучала подобная просьба — слишком пессимистичный и в то же время апатичный взгляд тот имел на жизнь.

Всех мертвецов через несколько лет выкапывали, чистили черепа и уносили их в часовню, освобождая на кладбище место для новых захоронений. Земли вблизи города было мало, всюду горы. А в Малервеге, близле-

жащем лесу, хоронить не решались — слишком далеко от поселения.

Вскоре время обеда закончилось, остальные убежали, а Кай, позволив себе задержаться, некоторое время сидел, смотря бездумно на озеро. А после поднялся, отряхнув руки, и выбрал тропинку, уводящую в глубину леса.

Неподалеку от места их обеда, скрытый за несколькими многовековыми елями и скалами, находился колодец — широкий, с десятков футов в диаметре. Часть горловины обвалилась, и серые булыжники, упавшие рядом, покрылись мхом. Приблизившись, Кай крепко сжал в руке гальку, подобранную с берега озера, отчего на нем оказалась капля крови — видимо, шип розы глубоко вошел в кожу. Не думая, Кай бросил его в темнеющее жерло.

Своеобразный ритуал появился у Кая сам собой пару лет назад, и теперь, проходя мимо, он всегда кидал в колодец камень. Иногда загадывал желание, иногда делал это и вовсе бездумно.

Он пошел прочь, стремясь скорее вернуться к себе и вновь взяться за уголь. Вскоре Кай скрылся среди деревьев, так и не узнав, что камень упал, не издав и звука, словно сгинул, исчезнув из бытия.

Карман. Измерение Зеркала разума Йенни

— Ты мухлюешь, — грубо проговорила девушка, кося глядя на ледяные осколки.

Соманн изогнул бровь:

— Не надо пустых обвинений, королева.

— А ты не пытайся меня обмануть. — Она сжала кулак, и недавно собранные осколки вновь рассыпались по столу.

Вверху, сидя на нижней ветке высоченной ели, согласно крикнул Варди. Глаза белого сокола — прозрачные, словно грани бриллианта, — остро сверкнули. Ствол дерева, на котором сидела птица, был покрыт тонким слоем льда, даже иголки, имевшие лиловый оттенок, не обошла эта участь.

— Эй, мы ведь и так играем по твоим правилам! — возмущился Соманн, поднимая голову от осколков. Доспехи на его теле — из чистого золота, с выгравированными цветами — ярко сверкнули.

— Так я и не желала играть вовсе. Я вообще-то спала. И собираюсь вернуться к этому занятию. Сеятель, иди, покуда не выставила тебя, — поднимаясь, сказала Йенни и откинула с плеча длинные белые волосы, которые частично прикрывали вечно юное лицо.

Соманн краем глаза покосился на одну из трех морд волка, что бело-серебристыми линиями вились по ее руке от ключицы до запястья. У основания большого пальца скалилась морда.

— Ты ведь так не поступишь. Тогда я перестану даровать тебе сны. Или буду насылать кошмары, — сверкнул Соманн белозубой улыбкой. Существом он был древним и обладал немалой силой, управляя сонными грезами. Но зачастую относился к своей работе с небрежностью и настолько часто попадался на глаза людям, что за несколько веков появились те, кто разглядел и запомнил его силу. В итоге он даже получил прозвище Песочный человек за свою магию, имеющую золотой оттенок.

Впрочем, не Йенни было обвинять его в небрежности. Она сама попадалась людям куда чаще. Особенно людям Хальштатта, которые увиденное обычно запоминали. Возможно, именно это и стало одной из причин тому, что они с Соманном нашли общий язык. Но изначально познакомил их долгий сон Йенни, в который она от скуки погружалась в летние месяцы. А если кто-

то спит беспробудно больше нескольких месяцев, Сеятель обязательно заметит, будучи даже второстепенным божеством. Он заявился в ее сновидение, и после оба поняли, что их знакомство оказалось весьма полезно. Сеятель подарил Деве Льда крупицу своей силы, а она помогала ему решать разногласия, возникающие у Соманна с другими обладателями магии.

Могущество Соманна простиралось на чужой разум, а в мире людей он был слаб. Поэтому, если у него возникали разногласия с кем-то в реальности, то вскоре вслед за ним появлялась Йенни.

А в мелкие стычки Сеятель влипал довольно часто. К тому же он создал больше десяти своих копий, которые затем бродили по миру, отчего вероятность с кем-то повздорить тоже вырастала десятикратно.

Йенни покачала головой, складывая руки на груди и глядя вдаль, туда, где у горизонта, окруженный морозной дымкой, словно мираж, виднелся пик одинокой горы.

Дева глубоко вдохнула, словно улавливая что-то в воздухе.

— В мире людей скоро наступит осень, — проговорила она.

— Разве тебе не пора убить того мальчишку? — заинтересованным тоном спросил Соманн, вновь увлеченный осколками. — Он и так прожил долго.

Будь Сеятель существом более опасным и с большими амбициями (ныне его интересовала лишь вечная жизнь в собственное удовольствие, желательно нескучная), их с Йенни столкновение было бы неизбежно.

Осколок Зеркала разума желают многие: природные духи, дети богов, слабые боги, все еще оставшиеся в мире, и такие как Йенни. Озеро, покрытое тонким слоем льда, в своих водах хранило слишком много силы.

Осколок в сердце мальчишки с каждой зимой сиял все ярче. Закрыв глаза на саму пропажу кусочка Зерка-

ла, она, однако, ощутила его силу в конце прошлой зимы. И теперь обязана была вернуть льдину в озеро, пока за магией Осколка не началась охота. Вырезать сердце из человеческой груди.

— Ты за ним следишь? — с укором спросила Дева Льда.

— Немного, — все так же согнувшись над ледяным пазлом, отозвался ее собеседник. Собирал он его с искренним усердием. Когда-то с Йенни они заключили сделку: перед тем как обратиться к ней за помощью, Сеятелю необходимо собрать воедино один пазл. Условие это было бессмысленным и служило лишь для того, чтобы досадить Соманну, но в мотивах и развлечениях тех, кто прожил века, и не стоит искать смысла.

Ныне Соманн складывал отвратительного на вид бородатого карлика в колпаке. Люди временами изображали его именно таким, и это немало раздражало божество сна.

— Он сильно вырос? Или, может, уже постарел? — предположила Йенни.

«Если постарел, то убивать уже не так жалко», — добавила она про себя.

Соманн поднял голову, удивленно уставившись на нее и сжимая между пальцев одну из тонких льдин.

— Память у тебя как решето, Йенни, — укорил он ее, видя, как белые брови сходятся на переносице. — Люди так быстро не стареют.

— Я уже давно не слежу за ними, — отмахнулась она, задумчиво и раздраженно поморщившись. Прямо в этот миг она гадала, сколько времени минуло с тех пор, как она встретила мальчишку. В тот момент сияние Осколка в его сердце застало ее врасплох.

Но, промучившись некоторое время и так и не вспомнив количество прошедших лет, она вновь махнула на все рукой.

Свою длинную жизнь Йенни мерила не днями и не годами, как смертные, ведь отведено им было крайне мало, а событиями. Обыденные дни, когда не случалось ничего важного, безжалостно забывались, отчего она теряла привычное ощущение времени.

— Может быть, еще зиму-две он сможет продержаться, — задумчиво проговорила она — летом Осколок в его сердце засыпал, вновь становясь практически незаметным для обладающих силой.

«Одну-две зимы... Но разве имеет это значение? Если за ним придут, действовать необходимо будет быстро».

— Ха-ха, так я почти закончил! — вдруг воскликнул Соманн, едва не вскакивая. — Что это? Да ты... — начал было он, рассмотрев наконец-то в нечетких морозных узорах картинку, когда вдруг с неба упал продолговатый камушек.

Он рухнул вниз, сначала упав на голову задумавшейся Йенни, а после отскочив прямо в сложенные осколки и разметав их по ледяной квадратной плите.

Повисла звонкая тишина. Изящная ладонь Девы Льда поднялась, касаясь головы.

— Это что за черт? — процедила она обманчиво спокойно и подняла взгляд к словно обесцвеченному небу. Прямо над ними зияла черная дыра разорванного пространства, которая стремительно затягивалась, словно рана.

— Разве сюда можешь войти не только ты?

— Только я, — отозвалась Йенни, наблюдая, как окончательно исчезает жерло перехода.

— Тогда, может, что-то сломалось?

— Сам веришь в то, что говоришь?

— Ну, я хотя бы предполагаю, — пожал плечами Соманн. — Тебе кто-нибудь говорил, что ты несдержанная?

— Ты. Постоянно, — процедила она, разглядывая землю под ногами, поросшую лиловой травой и слегка припорошенную снегом.

— Забавно. Владычица Льда, — он огляделся, — должна быть вот такой, — и в итоге постучал по квадратной плите ледяного стола, на котором лежали осколки.

— Глухой?

Сеятель на мгновение задумался, ведь стук и правда получился глухим.

— Нет. Холодной, а не вспыльчивой, — нашелся он, а Йенни тем временем наклонилась, отыскав в траве упавший камушек. Задумчиво покрутила его в пальцах, пропуская болтовню Соманна мимо ушей. Вечно он нес бессмыслицу.

В Карман этой реальности могла проникнуть сама Йенни — ведь сила внутри ее тела была сродни той, что наполняла это место — и те, кто напросился на приглашение, ворвавшись в ее сновидение нагим, чтобы привлечь внимание. Соманн считал, что так выражает доверие и уважение к своим друзьям, являясь к ним без защиты доспехов, обнажая свои слабости. Какие именно слабости имел в виду Соманн, Йенни до конца не поняла и, честно говоря, не желала.

Но все же, как предмет из людского мира оказался здесь?

Йенни подняла голову, посмотрев в сторону горы, под которой покоилось Зеркало разума. Озеро, древний дух которого спал и не разговаривал с ней вот уже несколько веков. Но благодаря его силе в измерение никогда не смог бы проникнуть чужак.

Вскоре в Хальштатт нагрянули холода, губя все растения. Не избежали этой участи и розы, высаженные вдоль улиц. Герда каждый день работала, а вечером порой тайком приходила к Каю. Вместе они читали книги, сочиняли свои истории, греясь у горящего камина.

— Как ты думаешь, Дева Льда существует? — задал Кай бессмысленный вопрос. Его мысли всегда сворачивали к ней. Ребенком его беспокоили слова взрослых, в юности же появилось любопытство, а после это была почти потребность — во что бы то ни стало узнать правду о своем спасении. Он вспоминал историю того дня, когда погибла его мать, услышанную из чужих уст, и думал, могла ли Дева спасти его.

«Лед и холод — зло, — говорили все. — Они несут лишь погибель».

Снежную ведьму боялись. Ее чертоги — мертвое царство, где ни один смертный не проживет и дня. Так твердили жители.

Но Кай, как никто другой, знал, сколь мало истины в людской молве.

— Ты часто спрашиваешь об этом, — заметила Герда, запрокидывая голову. И верно, стоило зиме наступить, Кай вновь вспоминал о ее владычице. — Конечно, существует. Мой дед однажды видел ее. — Она перелистнула страницу книги, а после перевернулась на спину, положив голову Каю на колени, словно на подушку. — Знаешь, я даже завидую ей. Мой дед давно мертв, а она жива.

— Ты ведь не знаешь, какова ее жизнь. Может, она не стоит зависти, — проговорил Кай, на мгновение переносясь в зиму восемь лет назад.

— Все равно она сильна и наверняка... свободна, — прошептала Герда и, помолчав, добавила: — Говорят, если убить Деву Льда, то можно забрать ее силу. Только вот ее не убить.

— Кто говорит? — отозвался Кай, впервые услышав такое от подруги.

Герда, расслышав напряжение в его голосе, пожала плечами.

— Не помню. Говорил кто-то. Тебе это не понравилось?

— Просто ты сказала так, будто и правда сделала бы это, будь у тебя возможность, — сказал он, отводя взор.

— Это же просто предположение! Что, если бы... — Герда поднялась, садясь на полу. — Ты воспринимаешь все слишком серьезно, Кай, — посмеялась она над ним.

Она ненадолго замолчала, задумчиво смотря в окно, украсившееся белыми узорами.

— Мама все чаще начинает ворчать, когда я иду к тебе. Говорит, не пристало молодой девушке ходить в гости к мужчине, — поделилась она.

В какой-то степени Кай понимал беспокойство ее матери. И именно поэтому занавески на окнах были распахнуты. Окна его дома и семьи Герды находились столь близко, что они то и дело видели мелькающий

силуэт ее матери. Пару раз за вечер она поднималась в комнату дочери, чтобы через стекло незаметно поглядеть, чем они занимаются.

— Думаю... Она права.

Герда бросила на него возмущенный взгляд.

— Ее сложно винить. Это в первую очередь повредит твоей репутации, — задумчиво проговорил Кай.

— Ох, ты сама невинность. — Она поднялась на ноги. — Ладно, пойду домой. Ты уже раз десятый посмотрел на холст. Ждешь, когда я уйду, чтобы взяться за работу?

— Ничего от тебя не скрыть. — Он примирительно улыбнулся.

— Я вижу тебя насквозь, Кай Ларс, — с укором и в то же время с весельем произнесла Герда, уже надевая пальто. — Ладно, продолжай свою затворническую жизнь. Надеюсь, когда-нибудь тебе это надоест. Моих родителей это бы очень обрадовало, они беспокоятся о тебе.

Кай промолчал, прекрасно зная, что думают о его жизни господин Хакон и его жена.

Они рассматривали его в качестве удачной партии для Герды. И она сама была даже не против. Ей нравилась его красота. И этого было почти достаточно, осталось лишь найти стабильный заработок. Повзрослев, Герда стала крайне практичной. Но Кай старался меньше внимания обращать на эту черту ее характера.

Вскоре он остался один и, заварив травяного чая, сел недалеко от камина. Успокаивающий аромат тимьяна наполнил легкие.

Всего за пару лет Кай превратился из нескладного парнишки в прекрасного юношу. Так говорили окружающие, а его самого смущали длинные ноги и руки, из-за которых он чувствовал себя неловким. Впрочем, это чувство преследовало его с рождения. Словно он чего-

то не понимал, не чувствовал целостности и от этого был слабым и нерешительным.

Хотя ему хватало упертости, как слепец хватается за руку проводника, цепляться за свое желание держать в руке кисть. Пожалуй, это была единственная вещь, позволяющая Каю оставаться на плаву и дарующая какой-никакой внутренний стержень.

Отставив в сторону чашку, Кай на цыпочках прошел к сундуку в углу комнаты. Разговор с Гердой до сих пор крутился у него в голове.

Он откинул крышку. Сверху, прикрывая самое ценное, лежало несколько свертков ткани, а под ними — портрет. Это был один из первых холстов, которые он смог себе позволить. Краски, кисти и холсты — все это было не только дорого, но и трудно добываемо, что вынуждало Кая ездить за ними в соседний, более крупный город.

В тревожной тишине, пока за окном завывал ветер, он смотрел на прекрасное лицо и белоснежные волосы, мерцающие, словно снег. Широкие раскосые глаза сразу приковывали внимание к ее лику с отчетливо выделяющимися острыми скулами. Но больше всего поражали радужки, светящиеся изнутри, словно лед, который покрывал озеро в Хальштатте. Она была прекрасна, величественна и высокомерна. На лице девушки имелся лишь один изъян — кончик правой брови оказался рассечен, ее пересекал едва заметный шрам.

И сколько ни смотрел Кай на Деву Льда, написанный им самим портрет его завораживал.

* * *

Корочка льда сверкала, отражая розовый оттенок неба, что предшествовал растущим на закате теням. Снег хрустел под ногами. Каждый шаг давался Каю с трудом. Он проваливался почти по бедру, но все рав-

но упрямо шагал к далеким деревьям. Своими темными кривыми ветвями без листьев они словно сшивали края неба и земли на горизонте, не позволяя им расползтись.

На плече Кая висела сумка, в которой лежали уголь и листы бумаги.

Через некоторое время, достигнув цели, Кай шумно выдохнул, издавая слабый победный возглас. Ему потребовалось больше часа, чтобы добраться сюда по глубокому снегу. Он и не думал, что это будет столь тяжело и долго. Его беспокоило стремительно теряющее яркие краски небо. Темнело опасно быстро.

Кай подул на руки, которые тут же снова сковал мороз. Он оглянулся, приметив очень кстати выступающий над снегом пенек, и направился к нему.

— Идеально, — прошептал он, осматривая открывшийся вид, а после достал бумагу и уголь.

Прошло буквально несколько секунд, и он сделал первый штрих, положивший начало работе. Кай увлекся, тщательно перенося на бумагу каждый изгиб древесного ствола, прорисовывая раскидистые дубовые ветви. Снизу они уже не казались нитями, сшивающими небо и землю, а были скорее копьями, пронзающими нависающую пелену светлых облаков.

Кай не видел ничего, кроме того, что желал запечатлеть на бумаге. Не ощутил даже дуновения морозного ветра, обласкавшего его и взметнувшего черные пряди. Так в безмолвной тишине проходило время до тех пор, пока он не завершил рисунок и не пришел в себя. Выведенные точными угольными линиями деревья завораживали. И столько деталей было в этой картине, что даже цвета не требовалось, чтобы понять всю красоту природы. И неважно, что Кай испачкал руки, а покрасневшие пальцы едва сгибались от мороза.

Но лишь закончив свою работу, он заметил ледяной холод. По спине пробежали мурашки. Кай осознал:

он не один. Он затаил дыхание, опуская косой взгляд под ноги, где на снегу трепетала, словно рябь на воде, человеческая тень. Кай обернулся стремительно, пытаясь застигнуть незваного гостя врасплох, но зажмурился от взметнувшейся перед глазами пурги. А когда вновь посмотрел перед собой, то позабыл, как дышать.

Перед ним стояла *она*. Почти такая же, как на его портрете, но одновременно и не похожая вовсе. Белоснежные прямые волосы, слегка вздернутый тонкий нос, брови и ресницы, словно посыпанные снегом, но сильнее всего приковывали к себе внимание глаза — радужка светлая, почти белая, она бы выглядела безжизненной, если бы не полные синевы линии, расплывшиеся по ней, словно трещины по льду. Взор — острый, словно лезвие ножа.

Его поразили ее облик. Она выглядела слишком юной, но в то же время властной и дерзкой.

Дева склонилась над ним, поднимая руку — от самых пальцев вверх по белоснежной руке поднималась вязь линий, что переливались, словно излучая собственный свет. Эти линии складывались в рисунки, Каю сразу бросилась в глаза распахнутая пасть зверя возле большого пальца. Волк скалился, словно вот-вот готовый напасть.

— Что это? — спросила она, посмотрев вниз. Ее голос гулким эхом повторился в его мыслях.

Кай проследил за ее взглядом.

— Это... Это уголь, — отозвался он, жадно рассматривая лик Девы.

— Уголь? — повторила она за ним. От девушки веяло холодом. Свежестью раннего зимнего утра. Пальто на его плечах покрывалось инеем, он словно слышал, как вырастали кусочки льда на ткани. — И им можно создать это? — кивнула девушка на лист в его руках. Наконец-то Кай осознал, что заинтересовало ее на са-

мом деле. Она задумчиво переводила взгляд с него на творение в его руках. И каждый раз ее взор задерживался одинаково долго, словно она не могла решить, что ей интереснее.

Тем временем Кай ответил:

— Лишь в умелых руках.

— Хм. Ничего особенного, но все равно прелестно. — Дева сощурила холодные глаза, будто задумалась. Ее изящная рука коснулась листа, и вот уже ее пальцы едва не касались его губ.

— Отдашь? — Ее глаза угрожающе заблестели, а уголок губ изогнулся. — Отдашь и останешься сегодня жив, — легко пообещала Дева.

«Сегодня?» — пронесся молчаливый вопрос в голове Кая. Одно-единственное слово, казалось, меняло всю суть. Но ему грозили смертью, а он отчего-то не испытывал и капли страха. Лишь смятение. Все его чувства словно оцепенели, а сердце в груди забилось гулко — ему будто стало тяжело продолжать гнать кровь по венам. И дыхание Кая стало таким же гулким.

Он опустил взор на лист в руках — темные угольные линии покрывала вереница снежинок.

— Подарю, — вдруг прошептал он, едва шевеля губами.

Снежная Дева возвышалась над ним и оттого склоняла голову, а волосы, местами сверкающие, точно лед, свисали прямыми строгими прядями. Рассеченный уголок брови придавал ей воинствующий и дерзкий вид. Она выглядела величественно, как истинная королева. Будто раздумывала, стоит ли принять то, что отдано добровольно, а не отнято или потеряно.

— Мне никогда ничего не дарили, — в конце концов призналась Дева Льда — это имя Каю нравилось больше всего. — Значит, я могу забрать и твою жизнь, и твоё творение?

— Можешь, — согласился Кай, сглотнув и словно ступая на шаткий мост. — Но прежде я бы хотел написать еще что-нибудь для тебя, — нашел он способ остаться в живых и даже не соврать.

Ее задумчивый взгляд устремился в никуда, а после она выдохнула едва ли не ему в губы:

— Хочу.

— Тогда я создам, — самозабвенно пообещал он, не понимая, что же на него нашло, не находя причину своей покорности.

Девушка резко склонилась, ее палец с длинным острым ногтем коснулся его подбородка, приподнимая.

— Не обмани меня, Кай, — пригрозила она, смотря в его глаза и становясь немного выше. Снег поднимал ее над ним, а вокруг них кружила пурга.

— Не обману, — дал он слово, замороженный навеки юным лицом. И с этими звуками взметнулся снег, залепил глаза, завыл ветер, Кай зажмурился, не в силах смотреть. А когда ветер утих и мир вновь распростерся перед ним, не увидел он ни снежной пурги, ни Девы. И лист из его ладони тоже исчез. Не осталось ничего, словно ветер тщательно уничтожил улики, указывающие на ее существование. Будто все случившееся было лишь сновидением.

В ту ночь Кай долго не мог уснуть. Он лежал в постели, подложив руку под голову и невидящим взглядом смотря в потолок. Он повстречал настоящую Деву Льда, но чувствовал себя идиотом. Мысли в его голове кружили беспорядочным роем, с которым Кай никак не мог совладать.

В конце концов он не выдержал, поднялся, направившись к книжному шкафу. Провел рукой по корешкам, словно не зная, за чем обратился к книгам. А после достал один из своих дневников, спрятанных за фолиантами. Пролистал страницы, видя мельтешение мотыльков — насекомые словно ползли по бумаге. Кое-где на страницах встречались соцветия роз. Белые розы опасно вились по краю листов, будто не желая занимать больше места, чем им отведено.

Отыскав свободные страницы, Кай вернулся к кровати и, как и в прежние времена, стал заполнять их. Он всегда помнил, как начинал рисовать, но после забывался в процессе и приходил в себя лишь позже, когда несколько страниц вновь были заполнены странными, немного пугающими рисунками.

— Дитя ледяных вод, не страшны ей ни пламень, ни острые мечи, — неожиданно прошептал Кай слова одной песни. А услышав собственный голос, замер, и кончик грифеля завис в воздухе, так и не нанеся следующий штрих.

У Кая проблемы — ему грозила смерть. Дева точно желала его убить. В их прошлую встречу в лесу, когда ему было всего девять, она тоже говорила об убийстве, но совсем иначе. В то время она лишь раздумывала о его судьбе, а ныне приняла решение. Сомнение и уверенность. Все равно что опавший лист, несомый ветром, и выстрел из ружья.

Запрокинув голову и отвлекшись от дневника, Кай задумался. И вновь почувствовал себя идиотом. Наверняка и выглядел он так же, когда увидел ее.

Он вспомнил Йона, который точно так же вел себя, будто сам не свой, рядом с одной девушкой — она была на год старше его, и это заставляло беднягу еще больше нервничать. Но ситуация Кая была иной. Он бы определил свое оцепенение как восхищение произведением искусства. Словно перед ним ожила картина...

Но больше всего Кая интересовало его прошлое, которое было неразрывно связано с Девой Льда. Кай верил: как только он узнает тайну той ночи шестнадцатилетней давности, то наконец-то освободится. И тогда сможет покинуть этот город. При условии, что к тому моменту останется жив.

Взгляд мазнул по портрету на полу, прислоненному к стене. Он вытащил его из сундука сразу же, как вернулся домой.

«*Могу ли я спросить напрямую?*» — задался он вопросом, словно мог получить от девушки на холсте ответ. Нет, это безумие. Даже на холсте Дева выглядела опасно — в глазах застыл враждебный блеск.

Кай отчетливо помнил, как наносил каждый мазок

краски, обращаясь к далеким воспоминаниям внутри себя. А после, словно захваченный ими, подолгу мог не пить и не есть, работая над своим творением.

Герда злилась, когда заставляла его в таком состоянии — разжигала камин, ругалась из-за приоткрытого окна, а после боялась, что он заболает.

«Что ты с собой творишь?» — говорила она, а Кай не знал, что ответить.

Тогда Герда называла его упрямым болваном и через некоторое время уходила, громко хлопая дверью.

Так и не отыскав ответа на свой вопрос, Кай вновь убрал полотно в сундук и лег в постель, пряча ноги под одеялом. Прикрыл глаза, засыпая под завывание ветра. И, смотря в окно, он видел, как покрываются инеем стекла в рамах, — на их поверхности расцветали ледяные цветы.

На следующий день Кай зашел в лавку семьи Герды. Был выходной день, и отец Герды стоял за прилавком, подменяя жену. Господин Хакон был высоким, широким в плечах и с пышными темными усами. По словам Герды, усы — это единственное, что позволила ему госпожа Летиция. Она беспокоилась, что если он отрастит бороду, то однажды непременно волосы с нее попадут в тесто.

Запах свежего хлеба витал всюду. Казалось, он навечно впитался в дерево, которым были обшиты стены помещения.

Во взгляде господина Хакона промелькнуло узнавание, стоило ему поднять голову.

— Тебе как всегда? — поприветствовав Кая кивком, показал он на противень неподалеку, прикрытый белой салфеткой, под которой хранились булочки.

— Да, спасибо, — отозвался тот, отсчитывая монеты, когда дверь в лавку вновь открылась, впуская внутрь нескольких мужчин, бурно обсуждавших последние новости.

— Говорю же, небо было чистое, ни облачка! Откуда было взяться метели? — убежденный в своей правоте, вещал один из жителей, прижимая к груди шапку.

Ладонь Кая на мгновение застыла. Преступная заминка. Ему показалось, заметь вошедшие его реакцию, и непременно свяжут происшествие с ним.

Деньги звякнули, коснувшись поверхности стола.

А вокруг никто ничего так и не заметил.

— Хватит, может, не будем... — начал один из его собеседников, явно желая избежать неприятной темы.

— Это наверняка Снежная Ведьма, — убежденно заявил Вигге. Кай крепко сжал сверток с выпечкой. Господин Хакон, сведя брови, слушал чужой разговор.

— Быть не может! — возразили ему.

— Ты с самого утра об этом трезвонишь, — осуждающе проронил господин Хакон.

— А ты думаешь, это все ложь? — оскорбился тот. Кай посторонился, пропуская Вигге к стойке.

— Какое нам дело? Зачем народ пугать? — отмахнулся отец Герды, наваливаясь всем весом на стойку. Он обладал внушительной фигурой и силой, как нельзя лучше подходящей для работы в шахте. Но характер имел мягкий и мирный.

— Пугать? Надо быть настороже! Мало ли что случиться может. Еще ведь не известно даже, может, кто-то и погиб.

— Погиб? — вмешался Кай, заинтересовавшись.

Вигге взглянул на него, будто впервые увидел, и его взор уперся в лицо Кая. Он тяжело сглотнул.

— Говорят, что там, в центре метели, видели двоих. И если первая Ведьма, то второй... — Он сделал красноречивую паузу. — Соответственно, человек. Никто из тех, кто встречал ее, в живых не оставался. — Уголок губ Вигге дернулся вверх. Кай прекрасно понимал, на что он намекал.

Но лишь покачал головой, делая вид, что удивлен услышанным.

«Никто в живых не оставался...» — у этих слов было доказательство, в достоверности которого Кай не сомневался.

В городской церкви на протяжении уже двух веков велись записи всех необычных смертей. Возможно, выбор места странный, но даже священники-лютеране признавали существование Ледяной Девы. Башня церкви была самой высокой в городе, и, возможно, по этой причине именно на ее верхушке Ледяницу непременно раз в десяток лет кто-нибудь да замечал.

Имя матери Кая тоже было начертано в тех стенах. Он знал, что записи с описанием трагедии хранились на верхнем этаже той самой башни.

— Но, возможно, мы все же скоро найдем новую жертву, — продолжал Вигге упрямо гнуть свое.

— Хватит. Город маленький, все друг друга знают. Давно бы поняли, если бы кто-нибудь умер, — потеряв терпение, вмешался отец Герды. Он разозлился, и так мощный, и словно стал еще выше.

Кай негромко попрощался. Господин Хакон махнул ему, сразу продолжив спор.

Кай вышел наружу, вдыхая морозный воздух. На входе он наткнулся на деда Йона, который сидел на лавочке, припорошенной снегом, опираясь на свою трость.

— Господин Йенсенн... — начал Кай, помня, что дед имел непростой характер. И, словно подтверждая его мысли, тот тут же вспылал, вскинув голову резко, как свиристель, сидящий на ветке:

— И ты туда же? Тоже будешь всякие небылицы рассказывать?

— Вам не холодно? — почти одновременно с ним спросил Кай, отчего старик замялся.

— Нет, — хмуро выдал он. — С самого утра только и слышно, как судачат о ней. Лучше бы делом занялись.

Кай едва сдержал улыбку — дед Йона был похож на нахохлившуюся птицу. Он был вспыльчив, но отходчив и довольно прямолинеен. Хотя иногда его речи звучали слишком грубо.

Даже в Хальштатте находились те, кто относился к рассказам с недоверием, несмотря на доказательства. И дед Йона был из таких. Йон подшучивал, что если даже что-то необычное случится у дедушки под носом, тот с большей вероятностью притворится слепым, чем заставит себя поверить в «чепуху». По этой же причине еще с тех самых времен, когда Кай был мальчишкой, господин Йенсенн относился к нему совершенно так же, как и к любому ребенку в городе.

В течение дня Кай еще не раз слышал рассказы о новом появлении Девы Льда — слухи будоражили человеческие умы. Об этом болтали и прихожане церкви, куда он пришел, чтобы поработать над фреской.

Городская церковь стояла на самом берегу озера Хальштеттер — строгий силуэт, состоящий из геометрических линий, где даже башня выглядела, словно вытянутая пирамида, увенчанная шпилем. Зимой, не укрытая вязью плюща и не украшенная посаженными у фасада розами, она смотрелась особенно мрачно на фоне вздымающихся на горизонте гор.

Придерживая на плече ремень сумки, Кай миновал низкую ограду, сразу попав на маленькое кладбище. Могилы жались друг к другу, из-за чего каждый кусочек свободного пространства земли был на вес золота.

«Или пуда соли», — не раз думал Кай, рассуждая об этом. Сразу за кладбищем была часовня с костницей, где хранились черепа почивших жителей. Всегда, ког-

да взгляд падал на дверь, за которой хранилась смерть и память, Кай чувствовал пустоту, непонимание и какое-то отторжение.

Смотреть на черепа своих родных, которые когда-то жили, как и он, было тяжело. Ныне пустые глазницы взирали на мир с полок, словно книги со шкафов.

Сделав крюк, Кай коснулся припорошенного снегом креста на одной из могил. Беззвучно поздоровался и почти сразу попрощался — там уже два года лежала женщина, вырастившая его и одарившая любовью. Но останки его бабушки, как и других усопших, не пробудут долго в земле, еще восемь лет — и они тоже окажутся в костнице.

Пройдя кладбище, Кай с силой толкнул дверь и вошел в небольшое помещение для священнослужителей — строгое и аскетичное, с бело-серыми стенами, двумя длинными деревянными лавками и высоким узким шкафом. Несколько деревянных балок пересекали потолок, упираясь в стены.

Фреска, над которой работал Кай, находилась в главном зале, но краски, купленные для работы, он хранил здесь. Забрав все необходимое, Кай вышел в коридор. Его взгляд, как всегда, коснулся лестницы, ведущей на верх башни. Те стены выглядели древнее, чем в зале с алтарем, — щербатый светлый камень не был покрыт штукатуркой, как нижние помещения.

— Кай? — окликнул его священник. Герхарда и Кая разделяли всего семь лет, но, облаченный в черные одежды, с бородой и широкой, словно бочка, грудью, он казался куда старше своего возраста. Он пошел по стопам отца, который заведовал приходом этой церкви, видимо, в будущем собираясь окончательно перенять семейное дело.

Герхард заметил, куда был направлен взор Кая. Но тот уже отвел взгляд, поздоровался и обменялся па-

рой фраз о фреске — ее сложный сюжет был наполнен библейскими мотивами. Кай уже больше года работал над ней.

Вскоре, притаившись за колонной и приготовив краски, Кай тихо продолжил свою работу. Часы пролетали незаметно, и вот уже солнце зашло за горы, а остатки дня с трудом рассеивали дымку, обнимающую темные вершины.

Засмотревшись в окно — вытянутое, с изогнутой сверху рамой, — за которым на небе уже виднелась первая звезда, он понял, что пора собираться домой.

Но перед тем как Кай покинул стены церкви, его вновь окликнул Герхард. Весь день Кай ловил на себе его взгляды.

— Ты слышал о метели вчера вечером? — воровато оглядевшись, прямо поинтересовался священнослужитель.

— О метели? — переспросил Кай безмятежно, тогда как на самом деле его сердце опустилось в пятки. — Конечно. Об этом судачит весь город.

— Прошу простить за вопрос, но что ты делал вчера в это время? — Серые глаза Герхарда внимательно смотрели на Кая.

— Рисовал... Как обычно, — пожал тот плечами.

— На улице? Я видел из окна башни, как ты вернулся в город, когда стемнело.

— Да, я был в лесу. Делал наброски, — отозвался Кай, вновь невольно бросая взгляд на лестницу, ведущую на самый верх. — Вы меня в чем-то подозреваете?

Все это время у него в голове повторялся раз за разом лишь один вопрос: что бы он ответил, если бы скрывать ему было нечего? Как бы повел себя, если бы узнал о Ледянице, как все, с чужих слов?

Возможно, он бы разозлился? Да. И его бы раздражало чужое подозрение? Определенно.

Но ирония в том, что ему не позволено было показывать свою ярость. Легкая улыбка скрывала многие его эмоции. Исполняла роль щита. Если бы он выходил из себя каждый раз, когда кто-то оскорблял его чувства и гордость, Хальштатт сломал бы его.

Одиночество пугало Кая. И этот страх пришел за ним из детства.

— Нет-нет. Я лишь беспокоюсь, — поспешил заверить его Герхард. — Ты ведь знаешь, как заведено в нашем городе? Мы стараемся держаться в стороне от всего, что неподвластно законам Божиим. И если замечаем что-то неестественное, то предпочитаем не привлекать к этому внимания. — Голос священника стал совсем тихим, когда он добавил: — Любое столкновение с *ней* грозит лишь бедой.

Кай кивнул его словам, прежде чем спросить:

— Я не понимаю, зачем вы говорите мне все это?

— Думаю, все же понимаешь, Кай. Ты отмечен зимой и поэтому должен быть еще более осторожным. И еще — благодарным. Мой отец пошел на риск, когда позволил престарелой Ребекке оставить тебя.

«Тебе бы не позволили жить среди нас...»

— Ты ведь не знаешь, что до Хэстеинов несколько поколений назад шахтой владела другая семья? — вдруг добавил священник.

— Нет, я об этом не слышал.

— Верно, ведь наши предки предпочитали не вспоминать о том случае. Прежним владельцам не посчастливилось столкнуться с *ней*. Почти вся мужская половина того семейства оказалась убита, и им пришлось продать замок и шахту. Вот что происходит, когда Ледяница сталкивается с жителями города. Случается смерть.

— Это все содержится в записях башни? — вдруг поинтересовался Кай, игнорируя последние слова Герхарда.

— Да, — подтвердил священнослужитель, растерянно моргнув. Кай кивнул, понимая, что нет смысла просить показать те страницы — откажут.

— Я ценю вашу заботу обо мне. Но ваши предостережения... Я не думаю, что они уместны. — Попрошавшись, он стремительно направился прочь, желая скорее выйти на свежий воздух.

А когда выскочил под яркое око луны, лицо обожгло студеным воздухом.

«Не спорь. Будь к людям добрей и в ответ увидишь добро от них», — так говорила Каю бабушка, когда он был мал. И он не мог сказать, что она была не права, скорее, она не предупредила, что его все равно будут подозревать. Этим самым не позволяя позабыть о том, о чем он даже не помнил, — о дне, когда его глаза изменили цвет.

Все детство он был белой вороной среди своих сверстников. И так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось девять лет. В первые месяцы той зимы Кай почти поддавался отчаянию, а в неминуемо наступившее лето словно излечился, практически избавившись от этого чувства. Это произошло одним жарким месяцем, в июле. В то время Петтер — мальчик, живший на соседней улице, — в очередной раз решил развлечься. Он со своими друзьями постоянно находил Кая и проверял на прочность, пытаясь вывести его на эмоции. Но в то время гадости о себе Кай выслушивал уже весьма стойко, пропуская их мимо ушей. Тогда обидчики нашли новый способ издеваться над ним — стали оскорблять его мать. Назвали ее падшей женщиной, бросившей своих родителей и уехавшей в другой город, а после поплатившейся за грех смертью. В тот день Кай не выдержал и бросился в драку. И в конце концов его побили, ведь он был один против четверых. Побили не сильно, опасаясь взрослых, но глумливый смех еще долго стоял

в ушах Кая. Пусть он сумел надавать тумачков в ответ, прежде чем его обездвигили, но все равно сути это не меняло.

Именно тогда, сидя прямо на земле через дорогу от своего дома, Кай познакомился с Гердой. Она первая заговорила с ним, выглядывая из-за низкого заборчика, который огораживал крохотный садик, полностью засаженный алыми розами, — уже тогда она ухаживала за цветами самостоятельно. Сказала, что считает все сказанное глупостями и что ее мама думает так же. Кай же не знал, что ответить, и вместо этого невпопад спросил про розу, росток которой протиснулся сквозь щель между досками в заборе. Расцветший на ней нежный бутон был миниатюрным и настолько изысканным, что даже Кай смог преодолеть себя и назвать его красивым, — в то время к нему уже приходили сны, наполненные смертью, белыми мотыльками и нежными цветами. Взгляд Герды загорелся, и она стала рассказывать ему про свой сад, а найдя в нем покорного слушателя, пригласила войти. Вскоре Кай узнал, что каждое растение Герда посадила сама, что она обожает алый цвет и что каждому цветку дает имя. Так и началась их дружба, а девятилетний Кай не мог поверить в происходящее. Герда была первой, кто разговаривал с ним вот так, по-простому, и именно она словно разбила стену отрешенности вокруг Кая.

Тот день Кай помнил отчетливо, он засел в голове. И сейчас почему-то промелькнул в памяти стремительным ворохом снежинок, что, касаясь кожи, колют холодом и быстро тают.

Тряхнув головой, Кай постарался избавиться от надоедливых мыслей и сосредоточиться на том, что действительно важно. Во-первых, ему необходимо было написать картину, во-вторых — разговорить Деву Льда, затронув события прошлого, и в-третьих — не умереть.

Кай поднял взгляд к небу.

Луна ярко сияла, словно до блеска начищенная серебряная монета. Мелкие снежинки зависли в воздухе, мерцая под ее светом. В руках и ногах Кай чувствовал усталость, но знал, что она непременно отступит, стоит ему вновь взяться за кисть.

Ему хотелось поразить Деву Льда, создать нечто особенное. Но он понимал, что картина, написанная человеком, вряд ли сможет ее восхитить.

По дороге к дому Кай решил сделать крюк и пройти вдоль озера. Застывшее и покрытое слоем свежего снега, оно выглядело умиротворяюще. Кай задумался, взор его тонул в мириадах звезд — те сияли, как драгоценные камни.

— Звезды словно цветы, только на небе... — прошептал он себе под нос, наблюдая, как внезапно пришедшие из-за гор облака упрямо наползают на луну, скрывая ее сияние, серебрившее снег.

— На вершине гор их видно лучше, — внезапно раздался тягучий и глубокий голос за его плечом.

Кай вздрогнул и инстинктивно едва не вскинул руку, защищаясь. Заметив его реакцию, Дева изогнула расщеченную бровь. Она шла вровень с ним, а когда Кай остановился, успела пройти несколько шагов вперед и теперь обернулась.

— Ночью в горы лучше не ходить, — отозвался Кай, жадно смотря на нее. Открыто появившаяся посреди города, она выглядела лишней в этом месте. Хотя нет, скорее, все остальное казалось чужеродным.

Забывшись, он приблизился к ней в несколько шагов.

— Ты у всех на виду. — Голос Кая звенел.

Но за кого он боялся? За себя? В этом Кай был не уверен. В голове лишь пульсировала мысль о неправильности происходящего.

— Я знаю, Кай. — С мрачной улыбкой она подняла руку, касаясь пальчиками его скул. Холод, опаливший кожу, отрезвил. Блестящие льдистые глаза смотрели прямо на него. Они словно поглощали его сознание целиком.

Кай попятился, чувствуя, как один лишь ее взор дурманит разум. Сердце учащенно забилось, а его неуверенность вернулась.

— Не волнуйся. — Она взметнула ладонь, ее изящный белый палец показывал на небо. — Луна за облаками. Никто меня не видит.

— Видно только при луне? — едва шевеля пересохшими губами, спросил он.

— При лунном свете и на закате, — скучающе поделилась Дева, закатывая глаза. — Ну и при сильном снеге. Все же я не бесплотная. Снежинки облепляют.

— А еще следы на снегу, — заметил Кай, склонив голову и понемногу приходя в себя. Но едва успел он договорить, как перед его глазами тело Ледяницы захватила резкая и короткая вспышка света. От неожиданности Кай отшатнулся.

Перед ним стояла все та же Дева, но в этот раз и правда целиком и полностью высеченная из льда. Одежда обратилась тонким слоем белого снега, покрывающим ее ледяную кожу. Кая достигла волна холода, что сковала горло и заморозила дыхание.

В этот миг он услышал хруст снега — мимо проходил мужчина.

— Только в человеческой форме, — сказала Дева Льда, и прохожий дернулся от звука ее голоса. Мужчина заозирался — это был один из тех, кто приходил в лавку господина Хакона сегодня днем.

— Ты что-то сказал? — спросил он.

— Нет, — покачал головой Кай, понимая, что замер посреди дороги без видимой причины, и медленно побрел вдоль берега озера.

Мужчина, видимо решив, что ему показалось, тоже направился по своим делам.

— Он тебя слышал, — произнес Кай с укором. К этому моменту он уже почти свыкся с присутствием Ледяной Девы, украдкой рассматривая линии, сплетающиеся на ее руке. Они, словно рукав одежды, покрывали кожу от запястья до плеча.

— Естественно, люди ведь не глухие.

— Мы и не слепые, но почему-то без лунного сияния остальные тебя не видят.

— Это иное.

Кай прибавил шаг, и Ледяница осталась позади. Здесь, вблизи, почти не используя свою силу, она выглядела слишком юной. Если бы не глаза — холодные, острые, глубокие, — Кай мог бы забыть, с кем имеет дело.

За его спиной сверкнуло. На мгновение тень Кая, лежащая на дороге перед ним, вытянулась на несколько десятков футов.

Он задумался: *«Неужели и этот свет тоже видим остальным?»*

— Ты слишком беспечна. Неудивительно, что в городе о тебе знают. — Неприкрытое осуждение прозвучало в его голосе.

— А я не думала, что у меня появилась нянька. Быстро меняешь роли, — с насмешкой заметила она.

— Может, ты меня вынуждаешь ею стать? — сказал он, удивляясь своей дерзости и откровенности. Его поражали собственные речи, но, несмотря на колкие слова, ему было комфортно. Кай чувствовал себя в своей тарелке.

— Совсем меня не боишься... — Дева оказалась прямо перед ним так внезапно, что Кай застыл, задержав дыхание. Уголок ее губ приподнялся, глаза блестели. Холодное дыхание, вырывающееся из ее рта, задевало его скулы. — Готова ли картина?

— Нет, еще слишком рано, — нахмурился он, выдерживая ее взгляд. Вся она была соткана из противоречий — нечеловеческая красота, надменная и смертельная, но неминуемо манящая к себе. Как оружие с драгоценными камнями и перламутром, что не утратило свою способность убивать.

— Рано? Сколько тебе понадобится времени? — Белые брови Девы сошлись на переносице.

— Мне надо пару месяцев, чтобы создать что-то стоящее.

— Нет, столько у тебя нет... — тихо изрекла она, на ее лице не осталось места для улыбки.

Кай шумно выдохнул, вновь пяясь от нее и едва различая свои ноги в сгустившейся тьме.

— Отчего же? Все еще собираешься меня убить? — спросил он, как и в былые разы, не ощутив тревоги, когда ответом ему стала тишина.

Не глядя на Деву, он обошел ее. Взгляд зацепился за ледяные туфли, которые покрывали мертвые цветы с острыми, словно лезвия, лепестками, и белые ленты, оплетающие щиколотки. Она не проваливалась в снег, словно парила над ним, оставляя лишь едва заметные следы.

— Сколько времени тебе необходимо, чтобы уйти без сожалений? — раздался позади голос с глубокими бархатистыми нотками.

— Может быть, год? Да, года было бы достаточно, — решил он, останавливаясь и убирая руки в карманы.

— Нет, это слишком долго, — категорично отозвалась Ледяница.

— Почему? — На губах Кая появилась неуместная улыбка. — Разве ты не великая и всевластная королева снегов и льда?

Дева Льда сощурилась, смотря на него.

— Пустая бравада. — Ее глаза сверкнули, ладонь легла на его плечо, и даже сквозь одежду Кай почувствовал скывывающий холод. Она улыбалась, шепча ему: — Я убью тебя, Кай. Внутри тебя то, что принадлежит мне.

— Так забери, — сказал он совершенно искренне.

— Пока ты жив, не могу.

— Тогда дай год. Мне нужен год, чтобы оставить хоть что-то после себя. Всего год. Позволь не остаться ничем. И тогда я смирюсь со смертью, — замороженно шептал Кай, сам шагнув навстречу ей. Встав так близко, что уже во взгляде Девы Льда мелькнуло что-то странное, и она отступила, когда он произнес: — От твоей руки смерть даже покажется мне благородной.

Его голубые глаза блестели. А Дева Льда молчала. Она застыла, словно обратилась в ледяную скульптуру. Только складка между бровей выдавала в ней жизнь.

«Откуда это у такой, как она?» — в который раз спросил себя Кай, рассматривая короткий шрам, пересекающий край левой брови. Единственный изъян на идеальной коже. У него должна быть история.

Кто-то окликнул Кая по имени — это Йон нес на плече тушку лисы. Видимо, вновь ходил на охоту в Малервег.

— Я подумаю, — донеслось до Кая тихо.

Он не обернулся, не отвел взора от друга, но уголок его губ дернулся.

«Все прямо как тогда», — промелькнула мысль, прежде чем он сделал первый шаг навстречу Йону.

— Ты над фреской... — заговорил Йон, приблизившись, и тут же оборвал сам себя: — Ого, как у тебя ресницы заледенели. На улице же не так холодно.

Кай поднял руку, касаясь глаз, а когда отвел ее, на пальцах его быстро таяли мелкие снежинки.

*Карман. Измерение Зеркала разума
Йенни*

Лилово-голубой небосвод распростерся над созданным измерением. Казалось, время здесь застыло. В человеческом мире кипела жизнь, а в пределах Кармана она угасала. Существа, лишённые силы, не могли долго здесь продержаться. Ведь все это измерение было соткано благодаря магии, и, чтобы здесь находиться, необходимо было являться его частью.

Йенни прикрыла глаза, шумно выдыхая. Она могла бы обойтись без дыхания и в своей ледяной форме так и поступала, но смертному телу требовался воздух, чтобы оно продолжало жить и чувствовать. Чтобы сердце, пусть и редко, продолжало биться. Именно её существование в этой форме отличало Йенни от бездушных ледников на вершине гор.

Дева зацокала языком и заложила руки за голову, устроившись поудобнее на лиловом лугу, припорошенном снегом. Не прошло и минуты, как она поджала губы и перевернулась на бок.

— Хватит маяться. — Соманн оторвал взгляд от пазла — он вновь собирал осколки. С последней их встречи летом прошло больше четырех месяцев. И в прошлый раз после собранной головоломки Йенни пришлось немало помучиться с одним из отпрысков славянских божков, с которым Соманн имел несчастье поспорить.

— Почему... я... не хочу... его убивать?

Сеятель косо взглянул на нее.

— Ну, он неплохие картины рисует, — заметил он. — Не выдающиеся, но неплохие. Проживи он дольше... — Соманн опустил голову, передвигая одну из льдинок.

— Лучше избавиться от проблемы сразу. Вырвать с корнем. Когда я смотрю на него, то сразу вижу Осколок. Раньше мне надо было приглядеться.

— Полагаю, здесь дело в тебе.

— Почему?

— Сообразительности тебе порой не хватает, Йенни. Прямая, как ель, — укорил Сеятель ее. — Если я правильно понимаю, у него в сердце Осколок Зеркала разума. Этот Карман, и в особенности ты сама, связаны с силой твоего озера. Мальчик вырос с этой силой в сердце. Неудивительно, что вы резонируете. Ты воспринимаешь его творения, возможно, куда острее. Может быть, вы даже смотрите на мир одинаково.

— Он человек... — бросила она, словно вынося приговор.

— И что?

— Это невозможно.

Соманн лишь усмехнулся.

— Хочешь сказать, я оставила его в живых, потому что он похож на меня?

— Не то чтобы похож, я лишь предполагаю, что между вами есть что-то общее, — уклончиво отозвался божок.

Дева смерила его хмурым взглядом.

— Ой, еще один подошел! — воскликнул Соманн, радостно захлопав. По его золотым доспехам перламутровыми переливами прошла быстрая волна света, что мимолетно коснулась лица Йенни. — Ты ведь можешь следить за человеком. Летом Осколок спит, а зимой пока незаметен. Если поймешь, что времени не осталось, тогда и убьешь его.

— Ты предлагаешь мне проводить дни с человеком? — Дева фыркнула.

Отвернувшись, Йенни вновь обратила взор к безоблачному застывшему небу и продолжила обдумывать ситуацию. Сила Осколка в сердце Кая неминуемо прорвется наружу — она чувствовала это. И за этой силой придут. Первыми ощутят его могущество мелкие зимние альвы, находящиеся поблизости. Инстинкт приведет их к человеку. Осколок Зеркала разума — одна из немногих вещей на свете, что позволяет пройти перерождение, обрести разумную форму.

И как бы сильна Йенни ни была, против всех ей не выстоять.

Она охраняла силу озера уже много веков, ведь именно для этого Ледяная Дева появилась. Его мощь не могла принадлежать всем, иначе начался бы хаос. Мир людей и так извечно раскачивался, словно маятник, порою оказываясь на краю гибели.

При мысли о сражении на лице Девы появилась кривоватая предвкушающая улыбка. А вокруг по лиловому полю, словно цветы в мире людей, стали расти ледяные сталагмиты, устремляя свои острия к небу.

Соманну пришлось уворачиваться, чтобы отыскать себе кусочек свободного пространства. Вреда бы они ему не нанесли — все же о легендарных золотых доспехах Сеятеля не зря ходило множество историй, — но неудобств бы доставили.

— Все же я убью его. Но, возможно... в твоих словах есть доля истины, — протянула Йенни, вспоминая встречу с Каем в тот зимний день, восемь лет назад. Мальчик был добр, а она давно не видела добра от людей. — Я не хочу быть к нему жестокой. Не хочу, чтобы он страдал.

Соманн несколько секунд смотрел на нее стеклянным взором, уносясь далеко в свои мысли, прежде чем предложить:

— Так создай из него ледяную скульптуру. У тебя тут пустош, не находишь? — оглядел он окружающие просторы. — По левую сторону — лес, по правую — гора, в центре — поле.

— Нет, Осколок мне не позволит, — пропуская мимо ушей вторую часть его рассуждений, сразу же отвергла предложение Йенни.

Вдруг сталагмиты прекратили свой рост.

— Я знаю, как поступить! — Дева стремительно поднялась, застав тот момент, когда Соманн все же застрял между сосулк: лед скрипел, а доспехи разбрасывали во все стороны золотые искры. Йенни на миг прикрыла глаза, и сталагмиты беззвучно рассеялись, лишь, серебрясь, зависли в воздухе миллионы мельчайших частичек снега.

План оказался совершенно прост — убить Кая во сне. Сеятель был способен погрузить человека в настолько глубокое сновидение, что даже боль раненой плоти не заставит того проснуться. Йенни не будет видеть глаз Кая, а Соманн сделает последние секунды его жизни прекрасными. Разве не все люди мечтают об исполнении своих желаний? В мире грез было возможно все.

— Идем, — позвала Йенни, не терпя возражений. В ее голосе зазвучали низкие угрожающие нотки. Вспыхнув, ее тело поменяло форму, обратившись льдом. Она поторопила Сеятеля, уничтожая льдинки

на ледяной плите так же, как сталагмиты — обратив их в едва различимые в воздухе частички.

— Никакого терпения, — недовольно заворчал божок. — Почему нельзя подождать до завтра?

— Я ненавижу ждать, — медленно процедила она. Но Соманн и так прекрасно это знал. За века в ожидании зимы многие познали бы смирение, но с Йенни получилось наоборот — она стала опасна. Слишком быстро выходила из себя, и нередко случалось, что в гневе она сначала делала, а после думала. По опыту Сеятеля, у людей тоже так бывало, но они не обладали той силой, что несла в себе Ледяная Дева.

— Кстати, а как же тот камень, который попал в твое измерение из реального мира? Ты поняла как?

— Даже если бы поняла, то тебе бы не сказала, — отозвалась Йенни. В ее руке выросла ледяная игла, а через мгновение лед начал осыпаться, пока не приобрел форму острого кинжала — прозрачного, словно созданного из стекла, переливающегося лиловым и желтым, основными оттенками измерения. Дева перевернула оружие острием вниз, держа рукоять кончиками пальцев. Спустя минуту отпустила, лезвие упало, войдя в землю, и, рассыпавшись искрами, растворилось в ней.

И когда это случилось, темно-фиолетовая почва разверзлась, а из ее недр на поверхность поднялся широкий колодец, сложенный из древнего, покрытого тонким слоем морозных узоров камня.

Внутри колодца чернела бездна, словно он и вовсе не имел дна. Хотя так это и было.

Ведь когда оба — сначала Соманн под следящим взором Йенни, а после и она сама — прыгнули в его жерло, последним звуком, проникшим в измерение, стал обрывок фразы, сказанной предвкушающим тоном:

— Какое же насладить сновидение? Юноши в его возрасте часто имеют определенные жела...

